

П.С. Гуревич

БЕССМЕРТИЕ: ДАР ИЛИ ХИМЕРА?

В статье исследуется тема жизни и смерти, которая на протяжении многих веков волновала философов и психологов, а в наши дни получила новое толкование. Автор размышляет над вопросом: можно ли считать бессмертие благом? В статье дан критический анализ новейших интерпретаций бессмертия. Уверенно о бессмертии заговорили сторонники квантового сознания. Душа человека отождествляется ими с информацией, а Вселенная уподобляется компьютеру. Согласно этой трактовке человек отождествляется с ментальным содержанием, которое после кончины индивида буквально всасывается Вселенной. Сознание сохраняет себя и устраняет таким образом обыденное представление о смерти. Другой вариант бессмертия обеспечивается созданием киборншта, другой формы жизни, которая ознаменует конец белкового шовинизма.

Ключевые слова: философская антропология; наука; смерть; бессмертие; психика; мозг; душа; информация; ментальность; трансгуманизм.

The article explores the theme of life and death that for centuries worried philosophers and psychologists, and today received a new interpretation. The author reflects on the question: can it be considered a boon of immortality? The article provides a critical analysis of the latest interpretations of immortality. Confident of the immortality of supporters talking quantum consciousness. The soul of man is identified by them with the information, and the universe is likened to a computer. According to this interpretation, the man is identified with mental content, which after the death of the individual is literally sucked the universe. Consciousness maintains itself and thus eliminates the ordinary idea of death. Another option is provided by the creation of immortality kibornavta, the other forms of life, which will mark the end of the protein chauvinism.

Keywords: philosophical anthropology; science; death; immortality; the psyche; the brain; the soul; the information; mentality; transhumanism.

От фантастики к проекту

Бессмертие, оказывается, рядом. Всего лишь один посильный разворот науки, и жизнь человека, пришедшего в этот мир, не закончится никогда. Люди вот-вот освоят древние йогические технологии, которые позволяют выделить и перенести тонкое тело на другой, альтернативный носитель. После игры в эксцентричные формы жизни, которыми изобилует фантастика, трансгуманисты перешли к конкретным инкарнационным проектам. Г. Уэллс волновал читательское воображение марсианским красным мхом. Т. Пратчетт пугал опрокинутой тарелкой, в которой обитают тролли. Эти существа с кремниевой органикой, согласно его воображению, пожирают камни и таким образом обеспечивают себе нескончаемое существование. Г. Бенфорд чаровал иными формами внеземной жизни, боготворящими звезды. Известный астрофизик Ф. Холл в романе «Черное облако» живописал колоссальное скопление космической пыли, наделенной коллективным разумом. Физик Р. Форвард помыслил жизнь, возникшую на фтороуглероде. Он же направил нашу фантазию на поверхность нейтронных звезд, где зародилась иная форма существования. С. Бакстер уверял нас в возможности фотонной жизни, которая гнездится в гравитационных колодцах звезд.

В наши дни выбор определился. В качестве субстратной основы предлагается кремний. Он-то и обеспечит людям поразительный небелковый интеллект, а заодно и искусственное тело. Нам обещают генетически модифицированный клон, лишенный собственной души. Доставить нас в бессмертие предлагают постепенно и последовательно, безболезненно и комфортно. Мыслятся, к примеру, биокиборг, состоящий из нанороботов, разумная пыль, управляемая сознанием, или квантовое тело-голограмма.

Поражает при этом едва ли не полный паралич философской рефлексии. О смерти и бессмертии многие авторы рассуждают так, как если бы эта тема никогда не терзала мысль величайших мудрецов человечества. Бессмертие пакуют бережно, будто речь идет о новейшем рекламном продукте. Читаем, к примеру, об устранении человеческой телесности, словно предполагается замена товара: «Причем наноинженерные компоненты в перспективе будут доминировать в структуре человеческой телесности. Важнее, что нанокиборгизированный человек преодолеет константность чело-

веческой природы, в перспективе, на антропоморфическом и физиологическом уровнях, полностью выходя за рамки антропозических констант человеческой телесности. В этом состоянии возможно достижение фактического бессмертия, а также многократное увеличение физических и когнитивных способностей или превращение постчеловека в сверхчеловека» (Беляев, 2014, с. 49.).

По существу, речь идет о смерти человека как особого рода сущего. Но автор толкует лишь о десакрализации человека и о ряде социокультурных и личностно-экзистенциальных сложностей. Стоит ли сетовать, если в том же издании восторг по поводу грядущего бессмертия сопровождается предельной инфантильностью: «И если можно будет внедрить непосредственно в мозг целые готовые пласты информации, будь то математика, иностранный язык или энциклопедический словарь, отчего нельзя внедрить какие-то полезные личностные качества? Отчего бы не подправить такие “неполезные” в социуме качества, как повышенная тревожность и нервозность, убрать страхи, фобии, нелюдимость, повышенную конфликтность или пассивность?» (там же, с. 73). Упаси бог представить себе личность, в которую внедрили личностные качества... Это невозможно, по той простой причине, что личностные качества не внедряются в принципе. Если они внедрены, то речь идет не о личности.

С помощью «внедрения» трансгуманисты предлагают разом устранить страх перед смертью, перед полным физическим уничтожением. Избыть инстинктивное отвержение неизбежного распада. Отсечь традицию мучительного философского постижения смерти.

Бессмертие предстает как бесконечный и бессмысленный круговорот информации, освободившей человечество от его сути, от его способности к трепетному постижению жизни и смерти. Скованы и ум, и чувство, и страсть.

Тема смерти и бессмертия – вечный сюжет классической философской мысли.

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?..

Сократ определял философию как последнее приготовление к смерти. Шопенгауэр называл смерть мусagetом философии. Он

полагал, что едва ли люди стали бы вообще философствовать, если бы не было смерти (Шопенгауэр, 2001 а, с. 385). Немецкий философ утверждал, что у человека вместе с разумом возникла и ужасающая уверенность в смерти. Каждый человек, по его мнению, колеблется между пониманием смерти как абсолютного уничтожения и уверенностью в нашем полном бессмертии с ног до головы (там же, с. 386).

Философы, которые обращались к теме смерти, нередко писали о том, что в различных культурах эта тема переживалась по-разному. В иные эпохи страх смерти и вовсе отсутствовал: люди находили в себе силы противостоять угрозе физического уничтожения. Античные греки, например, учили преодолевать ужас небытия путем концентрации духа, усилением животворной мысли, воспитывать в себе презрение к смерти. Людей Средневековья, напротив, предстоящая смерть доводила до иступления. Ни одна эпоха, как свидетельствует нидерландский историк и философ Й. Хёйзинга, не навязывает человеку мысль о смерти с такой настойчивостью, как XV столетие (Хёйзинга, 1983, с. 149).

Едва мы поставим вопрос о том, что служит основанием для того, чтобы сравнивать, как воспринимают смерть в различных культурах, то обнаружится парадоксальная вещь. Как правило, сопоставляются философские высказывания. «Ведь какое-то чувство умирания может быть у человека, – пишет, например, Цицерон. – Все это мы должны обдумать еще в молодости, чтобы могли презирать смерть; без такого размышления быть спокоен душой не может никто; ведь умирать нам, как известно, придется – быть может, даже сегодня» (Цицерон, 1975, с. 26). А средневековый мыслитель Мейстер Экхарт, напротив, пишет о том, как трудно дается человеку отрешенность от мирских благ. Выходит, было время, когда смерти не боялись, страх перед угрозой физического уничтожения был не всегда. Но в какой мере можно доверять философской мысли? Ведь нередко выраженное в суждении презрение к смерти как раз и отражает ужас перед нею.

Страх перед смертью заложен в самой человеческой природе, в самой тайне жизни. Он изначален, т.е. коренится в глубинах человеческой психики. Однако в конкретной эпохе, через призму определенных духовных ценностей этот ужас обретает различные преображенные формы. Каждая культура вырабатывает свою систему ценностей, в которой переосмысливается вопрос смерти и

бессмертия. Она творит также определенный комплекс образов и символов, с помощью которых обеспечивается относительное психологическое равновесие индивидов. Человек, разумеется, располагает отвлеченным знанием о факте неотвратимой смерти. Но он пытается, опираясь на существующую в данной культуре символику, сформировать более конкретное представление о том, что делает возможной полноценную жизнь перед фактом неизбежной гибели.

По мнению психологов, такая система начинает складываться в психике человека уже в материнской утробе. Образ, который возникает в подсознании человека в связи с его рождением, когда плод отделяется от матери, позднее трансформируется в некий прообраз ужаса перед смертью. Индивид пытается преодолеть эту жуть. Он ищет способы уйти от тления, увековечить себя, постоянно ощущая присутствие смерти.

Писатель Андрей Платонов в одном из своих рассказов заметил, что смерть не однажды посещает человека. Она неустанно маячит возле нашей доли, дожидаясь своего торжества. Вот почему образ неотвратимой судьбы многократно воздействует на психику. Человек знает, что он смертен, но реальный опыт получает только в момент кончины. В результате даже в сознании одного человека система образов, поддерживающих земное существование индивида, постоянно преображается, перестраивается.

Выживание человека предполагает, что в его психике закрепляются символические образы, которые позволяют наполнить земное существование смыслом. Это психологическое равновесие приходится все время поддерживать, закреплять. Такая потребность присуща не только конкретному человеку. Культура в целом может войти в состояние развала и сумятицы, разрушить присущее ей философско-гармоническое восприятие жизни и смерти. Когда возникает опасность для жизни отдельного человека или целого народа, образы символического бессмертия становятся более четко выраженными, обостренными, интенсивными.

Но можно ли каким-то образом типологизировать различные формы отношения к смерти и бессмертию? Безусловно. Сравнение мировых религий, далеких культур показывает, что черту между жизнью и смертью люди воспринимают по-разному. Считают, к примеру, что между земной и загробной жизнью нет никакой разницы, но полагают также, что такая разница есть. В то же время различение земного и иного бытия принимает разные формы.

Отношение к смерти в древних культурах носит в основном эпический характер, т.е. она не воспринимается как личная трагедия. Кончина человека толкуется как законное завершение определенного жизненного цикла. Лирические и трагические акценты еще отсутствуют. В качестве исключения можно назвать, по-видимому, эпос о Гильгамеше – полубог-полубогу правителе г. Урука в Шумере (XXVIII в. до н.э.).

Древний шумерский миф историки культуры оценивали по-разному. Некоторые видели в нем преображение животного, инстинктивного чувства, акт человеческого осознания бытия. До этих событий, воссозданных мифом, люди не ведали ничего о смерти. Теперь же они вынуждены постоянно считаться с угрозой полного исчезновения. Нота смирения пронизывает сказание. Хотя с помощью зелья душа Энкиду возвращается на землю, это продолжается недолго. Из преисподней нет пути назад. Таков конечный вывод древнего сказания.

Многочисленные и разнохарактерные представления о смерти, которые сложились в мировой культуре, можно, по-видимому, разделить по каким-то признакам. Выделим прежде всего дохристианские и христианские воззрения. Отметим также, что восточные культуры в отличие от западных сохранили в себе веру в оригинальную силу космологий, религиозных и философских систем, в которых смерть не рассматривается как абсолютное завершение существования. Присущие им концепции посмертного бытия имеют весьма широкий спектр представлений – от высоких состояний сознания до конкретных образов другого мира, напоминающего земную жизнь. Во всех этих верованиях смерть не отождествляется с полным исчезновением индивида. (В западной культуре такое представление не было универсальным.) Христианство признавало конечность индивидуального существования. Массовое воскрешение трактовалось лишь как завершение земного бытия.

История человеческой цивилизации содержит волнующую летопись многочисленных попыток древнейших культур сохранить жизнь и избежать смерти. Во многих культурах предполагалось, что каждый может должным образом подготовиться к смерти, если он при этом приобретет нужное знание о процессе умирания. В литературных памятниках, известных как «Книги мертвых», излагаются детализированное описание смерти и руководство по поводу того, как сделать процесс умирания более полным (неподготов-

ленный человек сопротивляется смерти и оказывается в промежуточном состоянии) и последовательным. Наиболее известные из этих произведений – Египетская Книга мертвых и Тибетская Книга мертвых. Однако подобные тексты существовали и в индийских, мусульманских и других традициях.

Восприятие смерти в культурах, где индивид еще не выделился из племени, из рода, естественно, отличается от истолкования этого феномена там, где господствует персоналистская идея (идея личности). В тех обществах, в которых процесс индивидуализации зашел не очень далеко, конец индивидуального существования не оценивается как проблема, поскольку слабо развито само ощущение индивидуального существования. Смерть еще не воспринимается как нечто, отличное от жизни.

Совсем иначе оценивается смерть в тех культурах, где осознаются ценность, суверенность и уникальность человека. Здесь хрупкость земного бытия воспринимается трагически, пронизывает весь мир человеческих переживаний. Однако на Востоке, где личность не осмысливалась как некая обособленность и персоналистская идея отсутствовала, тем не менее фиксируется глубокая медитация, предельное духовное сосредоточение на проблеме смерти.

«“Воля к бессмертию”, – писал русский философ Г.Э. Ланц, – эта трагическая воля “человека”, создававшая силой своей грандиозной напряженности иллюзию за иллюзией для своего мнимого удовлетворения, – к каким результатам она привела человечество? Что принесла она нам, кроме ряда тяжелых разочарований, доведших нас, наконец, до полного религиозного отчаяния, до религиозного кризиса последней сотни лет? Не стоим ли мы перед ее загадкой еще в худшем положении и с худшей совестью, чем 2,5 тыс. лет назад стоял перед ней великий пророк Индии» (Ланц, 1994, с. 171.).

Идея бессмертия души – базовая в философии Платона. Догадка, что душа долговечнее тела и может после гибели человека предстать в другом облачении, принадлежала орфикам, пифагорейцам, Эмпедоклу. Но Платон осмыслил эту догадку философски. Этически неправомерно утверждать, что никакого воздаяния за прожитое существование нет. Невозможно и чистое познание, коль скоро тело с его ощущениями не способно добраться до подлинной сути вещей. Только бессмертная душа позволяет распознать разумность космоса.

Что происходит с душой, которая покинула тело? В дохристианскую эпоху люди имели смутное представление о бессмертии души. Древние культуры исходили из того, что процесс умирания неизбежен и является неотъемлемой частью человеческого существования. Сама тема смерти оказывала глубокое воздействие на религию, мифологию, искусство, философию. И все же тема человеческого бессмертия не исчезала.

Желанна ли смерть?

Но можно ли считать бессмертие благом? Идея переселения душ – неизменный сюжет индуизма. Однако в очередном земном воплощении человеку предстоит заново пережить тяготы жизни. Если он отождествляет себя с бранным телом, с природой, то он остается в круговороте перерождений. Только после многочисленных инкарнаций, испытав горечь мимолетных наслаждений, человек может обрести истинное бессмертие. Путь к нему мучителен и долог.

Бесконечная цепь перерождений, которая суждена человеку, согласно буддизму, в конечном счете все равно нуждается в завершении. Существует не только воля к жизни, но и воля к смерти. Буддисты трактовали нирвану как полное погашение жизни. В древнеиндийской культуре, где господствовала идея многократного воскресения души, люди часто бросались под колесницы или в воды Священного Ганга, чтобы завершить очередное кармическое существование.

Идея бессмертия как наказания воплощена в образе персонажа христианской легенды позднего западноевропейского христианства – Агасфера. Во время страдальческого пути Иисуса Христа на Голгофу под бременем креста Агасфер отказал ему в просьбе о кратком отдыхе. Он безжалостно повелел ему идти дальше. За это Вечный Жид получил Божье наказание. Ему было отказано в покое могилы. Он был обречен из века в век безостановочно скитаться, дожидаясь второго пришествия Христа. Только тот мог снять с него проклятие. Этот сюжет и различные его интерпретации вошли в мировое искусство. Легенда об Агасфере становится достоянием литературы с XIII в. По сообщению английского монаха Роджера Уэндоверского, архиепископ, прибывший в Англию из Великой Армении, рассказывал, что лично знаком с

живым современником и оскорбителем Христа. В 1602 г. выходит анонимная народная книга «Краткое описание и рассказ о некоем еврее по имени А.». Хотя эта легенда в XVIII в. становится объектом насмешек, образ Агасфера вместе с тем оказывается предметом творческой фантазии, позволяющей осмыслить бессмертие в контексте новой эпохи. К этому сюжету обращается молодой Гёте.

Легенда об Агасфере давала романтикам возможность переходить от экзотических картин сменяющихся эпох и стран к изображению обреченности человека и мировой скорби. Э. Кине превратил Агасфера в символ всего человечества, пережившего свои надежды, но чудесно начинающего свой путь заново. Современный вариант «агасферовского» сюжета о проклятии тяготеющего, безрадостного бессмертия дал аргентинский писатель Х.Л. Борхес в рассказе «Город бессмертных». Он отмечает, что иудеи, христиане и мусульмане исповедуют бессмертие. Но то, как они почитают первое, земное существование, свидетельствует о том, что они отдают ему предпочтение. Бессмертие же предназначено для того, чтобы награждать или наказывать за первую, посюстороннюю жизнь.

Трудно примириться с мыслью о конечности нашего существования. Смерть отнимает у человека веру и доводит до религиозного отчаяния. И все же отношение к ней бывает различным. «Опыт, в котором ясно проявляется *двойственность нашего сознания*, – писал А. Шопенгауэр, – это наше в различные времена различное воззрение на смерть. Бывают минуты, когда смерть, если мы ее живо представляем себе, является в таком страшном виде, что мы не понимаем, как возможно при такой перспективе иметь спокойную минуту и как это не каждый человек проводит свою жизнь в жалобах на необходимость смерти. В другие времена мы думаем о смерти со спокойной радостью, более того, с тоскою по ней. Мы правы и в том и в другом случае. В первом настроении мы вполне охвачены временным сознанием, мы не что иное, как явление во времени, в этом случае смерть для нас – уничтожение, и нам действительно следует бояться ее как величайшего зла. В другом настроении живо высшее сознание, и оно справедливо радуется расторжению таинственной связи, с помощью которой оно соединено с эмпирическим сознанием в тождество одного я» (Шопенгауэр, 2001 б, с. 108).

Однако если в античности представление о краткосрочности земной жизни, которая в своем значении представлялась величайшим благом, беспокоило умы, то позже возникает осознание ничтожности этой жизни в холодном и бесстрашном космосе. По замечанию Борхеса, Ницше любил людей, способных вынести бессмертие. Однако саму идею бессмертия немецкий философ считал великой глупостью. Идея заключалась в том, чтобы жить против жизни и таким образом достичь бессмертия.

Отчаяние охватывает человека, который отвергает саму тему бессмертия как бесплодную и надуманную. Об этом писал русский мыслитель Архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской): «Вульгарный материализм хотел бы воспрепятствовать не только бессмертию, но даже теме бессмертия. В материализме живут самоубийственные для человечества мысли: “Бессмертия нет”, бессмертна только материя, не ее “надстройка” человек, а лишь сама она, “мать людей”, материя безличная, бессознательная и безразличная к судьбе человека. Только эта материя будто бы бессмертна, а человек – нет. Так думают материалисты, провозглашая свой чудовищный догмат веры в *смерть человека*. Он представляется им сутью, линией *самой* материи, этой бессмысленной, бездумной и одновременно якобы творящей, мудрой и предусмотрительной. Странно, что эта бездушная и бездумная материя не только сама говорит о себе, но еще и дает генеральную линию мысли человеческой» (Иоанн Сан-Францисский, 1992, с. 499).

Но верно ли, что бессмертие лишено смысла? По мнению Н.А. Бердяева, этот вопрос ставился в философии неправильно. Само это слово, как он считал, отрицает таинственный факт смерти. «Смерть есть самый глубокий и самый значительный факт жизни, возвышающий самого последнего из смертных над обыденностью и пошлостью жизни. И только факт смерти ставит в глубине вопрос о смысле жизни. Жизнь в этом мире имеет смысл именно потому, что есть смерть, и если бы в нашем мире не было смерти, то жизнь лишена была бы смысла. Смысл связан с концом. И если бы не было конца, т.е. если бы в нашем мире была дурная бесконечность жизни, то смысла в жизни не было бы. Смысл лежит за пределами этого замкнутого мира, и обретение смысла предполагает конец в этом мире. И замечательно, что люди, справедливо испытывающие ужас перед смертью и справедливо усматривающие в ней предельное зло, окончательное обретение

смысла все же принуждены связывать со смертью» (Бердяев, 1993, с. 217).

Философская мысль поставила вопрос: действительно ли бессмертие – благо? Русский философ Г.Э. Ланц писал: «Получая бессмертие, мы теряем “себя”, ибо лишаемся своего начала, которое для нас столь существенно и без которого нас вообще нет. Наше “желание” требует уничтожения нашей индивидуальности и постулирует на наше место Бога. Но ослепленный эгоистической логикой своего лживого сознания человек требует, чтобы этим Богом был он сам. Как совместить эти несовместимости, и нужно ли их совмещать?» (Ланц, 1994, с. 173).

По мнению Ланца, желая быть бессмертным, человек хочет уничтожить самого себя. В бессмертии он отвергает возможность и мыслимость своего собственного бытия. Человек и бессмертие несовместимы. Их невозможно соизмерить. В этом контексте стремление обессмертить человека выглядит нелепостью, которая рушит весь мир и торит дорожку для бессмыслицы. Оно оказывается не благом, а злом. Бесконечная длительность одной судьбы рождает пресыщение жизнью, готовность добровольно распрощаться с ней. И. Мечников, работая над книгой «Этюды оптимизма», обращался к долгожителям, чтобы проверить, не утомились ли они от жизни. Ученый пришел к выводу, что, прожив на земле немалое количество лет, человек уже не боится смерти, а даже вожделеет ее. И дело, пожалуй, не столько в тяготах самого существования, сколько в природном механизме, который, включившись в определенное время, зовет к уходу из жизни (Мечников, 1988). Смерть во многих случаях рассматривается как избавление.

Сними с меня усталость, Матерь Смерть.
Я не прошу награды за работу,
И ниспошли остуду и дремоту
на мое тело, длинное как жердь.
Я так устал. Мне стало все равно.
Ко мне всего на три часа из суток
Приходит сон, томителен и чуток,
и в сон желанье смерти вселено.
Мне книгу зла читать неведомо,
а книга блага вся перелисталась.
О, Матерь Смерть, сними с меня усталость,
покрой рядом худую наготу.

Вечная, нескончаемая жизнь, по существу, лишает человека ответственности за свое бытие. Сегодняшнее предательство искупается бесконечностью жизни. Проявленное мужество может казаться банальным перед безграничностью веков. Утрачиваются критерии, которым подчиняется человеческая жизнь: не все ли равно как жить, еще будет время пожить иначе. Оскопляется внутренний мир человека: трагизм существования заменяется вечным наличием. История перестает поражать своими тайнами. В ней воцаряется обыденность. Совсем как у М.Ю. Лермонтова: «Веков бесплодный ряд унылый».

Вот что написал по сходному поводу Владимир Лифшиц:

Мне как-то приснилось, что я никогда не умру,
И, помнится мне, я во сне проклинал эту милость.
Как бедная птица, что плачет в сосновом бору,
Сознанием бессмертья душа моя тяжко томилась...

Смысл смерти

Многие философы толковали смерть как трагедию тела. Проблема в этом случае рассматривается в русле биологии, медицины, социологии или психологии. Тогда исследователи натыкаются на множество конкретных аспектов земного бытия: как продлить существование человека с помощью правильного образа жизни, лекарств, хороших бытовых условий. Одновременно возникают упования на генетику, на те области знания, которые изучают мозг как основу человеческого поведения (Гуревич, 2015, с. 6–19). Вот что пишет по этому поводу Ф. Фукуяма: «То, что мы переживаем сегодня, – это не просто технологическая революция в нашей способности декодировать ДНК и манипулировать ею, а революция в основополагающей науке – биологии. Эта научная революция опирается на открытия и достижения в ряде взаимосвязанных областей помимо молекулярной биологии, включая когнитивные науки о нейронных структурах мозга, популяционную генетику, генетику поведения, психологию, антропологию, эволюционную биологию и нейрофармакологию» (Fukuyama, 2002, с. 19.).

Такой подход к проблеме бессмертия М. Хайдеггер называл биолого-онтическим. Для немецкого философа ключевым в данном случае является категория «присутствия». Так называется су-

щее, понимающее бытие. Присутствие, в отличие от других существ, не только онтично, но и онтологично, т.е. имеет такое бытие, исследуя которое, можно понять не только данное конкретное бытие, но и саму категорию бытия. Что означает быть онтологичным? Это значит представлять своим бытием не только собственное бытие, но бытие вообще, бытие как таковое.

Можно рассуждать о смерти в натуралистическом ключе. Это онтический ракурс темы, он включается в присутствие. «Для биологически-физиологической постановки вопроса оно входит тогда в бытийную область, известную нам как животный и растительный мир. В этом поле через онтическую констатацию могут быть получены данные и статистика о долготе жизни растений, животных и людей. Изучаются взаимосвязи между продолжительностью жизни, размножением и ростом. Могут быть исследованы “виды” смерти, причины, “обстоятельства” и характер их наступления» (Хайдеггер, 1997, с. 246.).

Речь в таких исследованиях идет о продлении телесного существования человека. Хайдеггер далек от того, чтобы предлагать какие-то рецепты спасения обветшавшего костюма Адама. Его взгляд на топику бессмертия радикально иной. Он обосновывает фундаментально-онтологический подход. «Смерть в широчайшем смысле есть феномен жизни» (там же), – писал он. Нет оснований рассматривать жизнь и смерть обособленно. Они неразрывно связаны друг с другом. Смерть – логическое и этическое завершение жизни.

Что касается экзистенциальной экспертизы бессмертия, то она лежит до всякой биологии и онтологии жизни. Хайдеггер называет людей смертными. Разве в этой констатации есть что-то новое? Да, если иметь в виду, что это исключительная привилегия человека. Только человек обладает этим даром. Животное не умирает, а околеваает. У него нет смерти ни впереди, ни позади него. «Смерть есть ковчег Ничто – т.е. того, что ни в каком отношении никогда не есть нечто всего лишь сущее, но что тем не менее имеет место, и даже – в качестве тайны своего бытия. Смерть как ковчег Ничто хранит в себе существенность бытия. Смерть как ковчег Ничто есть хран бытия. И будем теперь называть смертных смертными не потому, что их земная жизнь кончается, а потому что они осиливают смерть как смерть» (Хайдеггер, 1993, с. 324).

Действительно, смерть – законный хран бытия. Мысль Хайдеггера состоит в том, что не каждый человек может считать себя

смертным, поскольку это обозначение надо заслужить. Разумным живым существам еще предстоит стать смертными. Дело вовсе не в том, знает ли человек о своей смерти или нет. Ему еще предстоит принять собственную смертность. «Благословен и день забот, благословен и тьмы приход», – таково согласие пушкинского Ленского. Если человек обретает опыт смертности, он не обречен затеряться в людях. Если человек в этом смысле способен к смерти, он освобождается от биологии. Ему суждены память и история.

Ф. Розенцвейг писал: «Таково последнее слово философской мудрости: смерть – это ничто. В действительности, однако, это не последнее слово, а, наоборот, исходный пункт философии, подтверждающей ту истину, что смерть не кажимость и не ничто, а неумолимое и неизбежное нечто. Туман, которым обволакивает его философия, не может заглушить голос этого ничто. Философия сумела погрузить нечто в ночь ничто, но не в силах лишить его ядовитого жала. Страх перед этим жалом всегда будет беспощадным разоблачением философии и ее сострадательной лжи» (Розенцвейг, 1998, с. 231).

Можно ли полагать, что смерть обесценивает жизнь, лишает ее смысла? Ошибочность такой постановки вопроса становится очевидной, как только мы помыслим бессмертие. Как раз бесконечная жизнь способна лишить значимости все, что составляет содержание человеческой жизни. Обретя бессмертие, человек вряд ли сможет вести активное осмысленное существование. Если в рамках бесконечности то или иное событие может отодвигаться бесконечно, то оно лишается смысла. Должен ли я в текущие годы получить образование, или можно заняться этим через 1000 лет? Готов ли сегодня совершить героический поступок, или подвижничество можно перенести на следующее столетие? Только осознавая конечность человеческого существования, можно ответственно распорядиться своей жизнью. «Следовательно, – отмечает В. Франкл, – конечность человеческого существования имеет свою основу в его необратимом характере. Ответственность человека перед жизнью может быть понята лишь тогда, когда она будет понята как ответственность с точки зрения временности и неповторимости» (Франкл, 2000, с. 65).

В. Франкл убежден в том, что нет необходимости отвергать смерть. Да, она обрывает человеческое существование, лишая людей возможности завершить свои планы. Философ М. Шелер при-

нял смерть за собственным рабочим столом. Перечитав предыдущий абзац, философ написал: «Однако...». Но тут пришла смерть. Мы так и не знаем, какой взмах мысли она прервала. И все же смерть не способна обесценить то, что удалось тому или иному человеку создать в отведенное время. Шуберт задумал однажды написать лирическую симфонию, используя романтическую эстетику. Не отказываясь от принципов бетховенского симфонизма – серьезности, драматичности, глубины, Шуберт пытался воссоздать поэтическую атмосферу. Но произведение так и не получило завершения. Мы не можем сказать, что «Неоконченная симфония» Ф. Шуберта лишена смысла. Напротив, незавершенность позволяет вообразить, как могла бы звучать данная симфония. Древние знали, что судить о прожитой жизни можно лишь после ее завершения. Она имеет значение не по числу прошедших лет, а по тому, чему была посвящена и насколько удалось это посвящение. Жизнь юного героя по смыслу и ценности превышает долголетие мещанина, обывателя.

Обыденному человеку трудно представить нескончаемость жизни. Он невольно помышляет об этом в горизонте текущего существования. С таким же успехом можно обсуждать: почему бы не заставить машины рожать им подобных? Но машины, как известно, хотя бы по Ж. Бодрийяру, не способны рожать. Можно, разумеется, подправить в человеке «неполезные» в социуме качества. Но от таких проектов человечество уже настрадалось. Ф.Г. Майленова пишет: «С одной стороны, что может быть привлекательнее идеи победы человечества над смертью? Смерть, уравнивающая в конечном итоге всех, приходящая без спросу и зачастую без предупреждения, она может стать последним ярким аккордом героической жизни, а может оказаться позорным моментом, перечеркивающим все прочие достижения... Победа над смертью – это же не только долгие годы жизни, которые можно посвятить познанию, искусствам, путешествиям, да просто пожить в свое удовольствие, это же будет совершенно другая психология, философия, абсолютно другое мировоззрение, и как следствие – другая мораль и другая этика» (Майленова, 2014, с. 80–81).

Вот оно – выстраданное нашим временем – «пожить в свое удовольствие». Тут и возразить трудно. Разве только дать слово Гамлету: «Какие сны в том смертном сне приснятся, когда покров земного чувства снят?» В библейской притче об Агасфере, кото-

рый получил бессмертие в качестве проклятия, речь идет вовсе не об удовольствии, а о страдании, мучительстве. Напомним, кстати, мысль известной французской писательницы и философа Симоны Бовуар, которой она завершает размышления Сартра и Хайдеггера о конечности человеческого существования. «Тем не менее, – пишет она, – если бы в жизни человеческой не коренилась смерть, отношение человека к миру и к себе самому было бы совершенно иным, и тогда определение “человек смертен” представляется вовсе не эмпирической истиной; будучи бессмертным, живущий уже не был бы тем, что мы именуем человеком. Одна из основных характеристик его судьбы заключается в том, что движение его временной жизни образует позади и впереди себя бесконечность прошлого и будущего, – и понятие увековечения вида сопрягается с индивидуальной ограниченностью» (Бовуар, Сартр, 2013, с. 18).

Именно так – обретя бессмертие, живущий уже не будет тем, что мы именуем человеком. Поэтому прелести вечной жизни, перечисленные психологом в качестве соблазна, уже не относятся к человеку. По мнению Н.А. Бердяева, жизнь должна иметь смысл, чтобы быть благом и ценностью. Но смысл не может быть почерпнут из самого процесса жизни. Он должен возвышаться над жизнью. Русский философ считал, что жизнь в этом мире имеет смысл именно потому, что есть смерть, и если в нашем мире не было бы смерти, то жизнь была бы лишена смысла.

Австрийский психиатр В. Франкл, переживший ужасы концлагеря, считал, что обретя бессмертие, человек утратил бы жизненные цели. В самом деле, какой смысл заниматься познанием, когда впереди беспредельная жизнь? Всегда успеется приобщиться к искусству, если существование бесконечно. По мнению Франкла, смыслы обретаются потому, что жизнь человека ограничена. Бессмертный индивид не стал бы прилагать усилия к достижению конкретной цели, поскольку впереди необъятное множество шансов для реализации замысла.

Корпорация «Бессмертие»

Что поражает, когда трансгуманисты говорят о бессмертии? Обретение такого дара предстает как чудесное вознаграждение

человечества. Наука позволит каждому стать бессмертным. Все это произойдет стремительно и безболезненно.

Российские элиты сегодня активно обсуждают тему бессмертия. «Новым и новейшим хозяевам РФ стало тогда очевидно, что пролонгация избранных жизней есть высшее отражение принципа универсальной справедливости. Действительно: логично ли, чтобы красавец-богач, источающий вкус и воздух эпохи, дающий работу сотням тысяч безымянных людей, летающий на сверхзвуковых самолетах и благотворящий Большому театру, жил столько же, сколько какой-нибудь склонный к дешевой водке закройщик из Торжка или потерявшая счет неплатежеспособным клиентам проститутка Магаданского вокзала? Одна из олигархических звезд конца 1990-х годов прямо говорила вашему покорному слуге: дескать, ты не думай, я уже планирую жизнь на 50–60 лет вперед. Как так? Да очень просто. Через 10 лет будут созданы индивидуальные лекарства, которые позволят прямо отключать гены, отвечающие за старение. Они окажутся очень дорогими, эти лекарства, но мы-то их купим. А еще через 10 лет – другие лекарства на ту же тему, только гораздо более мощные. И мы снова их купим» (Белковский, 2015).

То, что происходит сегодня вокруг бессмертия, напоминает роман американского фантаста Роберта Шекли «Корпорация “Бессмертие”». Итак, Томас Блейн – помощник главного конструктора морских яхт, возвращаясь из отпуска на личном автомобиле, не справился с управлением, выскочив на встречную полосу, спровоцировал лобовое столкновение с другим автомобилем. Подсознательно он приготовился к смерти, он как при замедленной съемке ощутил, как ломается руль в его руках, как трещат ребра и хрустит позвоночник. Он очнулся в больничной палате в чужом теле в 2110 г. Могущественная компания «Рэкс Корпорэйшн» переместила его сознание из прошлого в тело нового человека (Шекли, 2000).

Разве наука свободна от бизнеса? Проблема бессмертия, оказывается, стала делом корпорации. Тема покинула недра религии и превратилась в обычное предпринимательство. Бессмертие даровано не всем. Загробная жизнь стоит недешево. Но в случае «памялничества» на тот свет остается не вполне ясным, что будет за Порогом. Что ожидает пришельцев – рай, нирвана или преисподняя. Тайнство смерти не разгадано. Оно просто стало предметом коммерции. Между прочим, Р. Шекли более чем за полвека до наших

дней описал терзания трансгуманистов. Он рассказывает, как самостоятельно существующее сознание оказывается следующим этапом в эволюции человека. Смерть – это освобождение сознания от телесной оболочки. Процесс умирания оказывается психическим шоком исключительной силы. Энергетическая сеть почти всегда разрывается на части. Так наступает гибель не только телесной оболочки человека, но и его сознания.

Однако ослепительная мечта о вечном существовании, о преображении личности на деле оказалась неосуществимой. Чтобы душа претерпела переселение, нужно новое тело, уже освобожденное от прежнего владельца. Но у донора должны полностью стереться все следы прежнего сознания. И все же случается, что сознание не может проникнуть в нужное тело и гибнет. Впрочем, люди, которые приобрели страховку, не торопятся перебраться в другое тело. Они боятся потусторонней жизни, духовное существование наводит на них страх. Им хочется жить как принято, в потребительском обществе. А свободных тел на черном рынке полно.

Р. Шекли подмечает еще одну странность. Парадоксально, но жизнь обесценивается. Убить человека – все равно, что состричь ноготь. Кроме того, уверенность в том, что смерть еще не кончина, порождает Годы Безумия. Люди хотят получить от жизни по максимуму. Перед смертью они стремятся испытать все жизненные блага – кто знает, что ждет человека за Порогом. Писатель показывает, что в грядущем изменились перспективы жизни и смерти. Выполняется наказ Ф. Ницше: умри вовремя! Люди начинают осознавать, что телесная жизнь – всего лишь бесконечно малая часть человеческого существования. Почему не приблизить конец, если хочется?

Далеко не всегда удастся гарантированно перейти в другое тело. Можно оказаться зомби. Толкуют о том, что души ждут очереди заново родиться на других планетах, что составляет часть гигантского цикла возрождения. Есть также мнение, что потусторонняя жизнь – это колоссальная туманная область, где умершие обречены на вечные странствия, которые никогда не приведут к цели. Один философ сказал, что конкуренция есть закон природы. Он должен сохраниться и в потусторонней жизни.

Заметно, что Р. Шекли несколько десятилетий назад обрисовал все тупики, которыми изобилует современная трансгуманистическая идея бессмертия. Как и показано в романе, перейдя рубежи

земного жребия, люди окажутся перед теми же метафизическими проблемами, которые волновали человечество на протяжении веков.

Не окажется ли дар бессмертия глупой мечтой или ловушкой? Не утратится ли при этом экзистенциальный смысл смерти? З. Фрейд в свое время подметил, что смерть – это то, что происходит с другими. Люди сегодня не хотят расставаться с земными наслаждениями. Они склонны видеть в смерти некую случайность, досадную событийную нелепость. Умирают только лузеры. Уходят из жизни только те, кому изменила удача. Поэтому само расставание с жизнью утратило свой сакральный смысл. В общественном сознании укоренилась мысль, что все избыточное, слабое, болезненное должно исчезнуть. И тогда над ним сомкнется забвение. То, что стало поживой смерти, не заслуживает сожаления. По той же логике слабые страны, не достигшие экономической мощи, тоже недостойны жизненной участи. Люди не только боятся смерти, они в состоянии полного отчаяния стараются как можно дальше отодвинуть эту границу забвения. Выходит, у темы бессмертия немалое прошлое, но, разумеется, и немалое будущее.

Список литературы

1. Иоанн Сан-Францисский (Шаховской), архиеп. Московский. Разговор о бессмертии // Архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской). Избранное. – Петрозаводск: Святой остров, 1992. – 575 с.
2. *Белковский С.* Дожить и пережить президента: Долголетие как либеральная идея // Московский комсомолец. – М., 2015. – 10 июля.
3. *Беляев Д.А.* Перспективные антропологические модели постчеловека: Трансформация человеческой природы и сверхчеловеческая атрибутика // Глобальное будущее 2045: Антропологический кризис; Конвергентные технологии; Трансгуманистические проекты: Материалы Первой Всероссийской конференции: Белгород, 11–12 апреля 2013 г. / Под ред. Д.И. Дубровского, С.М. Климовой. – М.: Канон+: РООИ Реабилитация, 2014. – С. 43–52.
4. *Бердяев Н.А.* О назначении человека. – М.: Республика, 1993. – 382 с.
5. *Бовуар С., Сартр Ж.-П.* Аллюзия любви. – М.: Алгоритм, 2013. – 240 с.
6. *Гуревич П.С.* Десакрализация мозга // Философская антропология. – М., 2015. – Т. 1, № 1. – С. 6–19.
7. *Ланц Г.* Проблемы бессмертия // Лики культуры: Культурологический альманах: Начала высшей культуры. – М.: Юрист, 1995. – С. 169–187.
8. *Майленова Ф.Г.* Будущее наступает сегодня // Глобальное будущее 2045: Антропологический кризис; Конвергентные технологии; Трансгуманистические проекты: Материалы Первой Всероссийской конференции: Белгород, 11–

- 12 апреля 2013 г. / Под ред. Д.И. Дубровского, С.М. Климовой. – М.: Канон+: РООИ Реабилитация, 2014. – С. 67–83.
9. Мечников И.И. Этюды оптимизма. – М.: Наука, 1988. – 327 с.
 10. Мотрошилова Н.В. Мартин Хайдеггер и Ханна Арендт: Бытие. Время. Любовь. – М.: Академический проект, 2013. – 526 с.
 11. Розенцвейг Ф. «Вырвать у смерти ее ядовитое жало...» // Страх: Антология: Философские маргиналии профессора П. Гуревича. – М.: Алетейа, 1998. – С. 229–232.
 12. Русская философия смерти: Антология / Сост., вступ. ст., коммент. К.Г. Исупова. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. – 663 с.
 13. Франкл В. Психотерапия на практике. – СПб.: Речь, 2000. – 256 с.
 14. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. В.В. Бибихина. – М.: Ad Marginem, 1997. – 452 с.
 15. Хайдеггер М. Вещь // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / Вступ. ст., коммент. и указ. В.В. Бибихина. – М.: Республика, 1993. – С. 316–326.
 16. Хёйзинга Й. Осень Средневековья. – М.: Наука, 1983. – 371 с.
 17. Цицерон М.Т. О старости; О дружбе; Об обязанностях. – М.: Наука, 1975. – 248 с.
 18. Шекли Р. Корпорация «Бессмертие»: Рассказы. – СПб.: Азбука, 2000. – 448 с.
 19. Шопенгауэр А. Новые parolipomena // Шопенгауэр А. Собр. соч.: В 6 т. – М.: Республика, 2001. – Т. 6. – С. 3–232 (Шопенгауэр, 2001 б).
 20. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление // Шопенгауэр А. Собр. соч.: В 6 т. – М.: Республика, 2001. – Т. 2. – 560 с. (Шопенгауэр, 2001 а).
 21. Fukuyama F. Our posthuman future: Consequences of the biotechnology revolution. – New York: Picador, 2002. – 272 p.